

УДК 327.8

Геоэкономическое измерение внешнеполитической стратегии КНР

Самойлов Антон Витальевич

Соискатель,
сотрудник войсковой части 33965,
117602, Российская Федерация, Москва;
e-mail: laoshe1274@gmail.com

Аннотация

Одна из широко применяемых теорий государственной внешнеполитической стратегии Н. Спикмена (10 критериев геополитического могущества государства) может быть преломлена в свете геоэкономики, научной сферы набирающей силу в последние десятилетия. Сегодня наблюдается активное включение геоэкономических векторов во внешнюю политику многих государств, в частности, Китая. В статье рассмотрена внешнеполитическая стратегия КНР с точки зрения геоэкономики, прежде всего такой показатель, как совокупная мощь государства. Автор аргументирует тезис, что главенствующей для данного показателя является именно экономическая сфера жизни общества. Она, в свою очередь, обеспечивает национальную безопасность государства. Этими взаимосвязанными сферами определен внешнеполитический курс «китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Проанализированы его геоэкономические основания: построение системы экспортно-ориентированной экономики, реализация долгосрочных ориентиров развития страны, накопление и инвестирование капитала, реализация принципа нового экономического и политического порядка основанного на многополярности и противостоянии гегемонии. Автор утверждает мысль о подчинении внешней политики Китая приоритетным целям экономического развития страны с целью повышения международного влияния государства. Для этого КНР используются различные международные площадки, вхождение в организации, формально не относящиеся к Китаю (например, Арктический совет), создание новых структур и проектов, инвестирование стратегически важных объектов на территории других стран и т. д. Эта концепция определяет официальный внешнеполитический курс Пекина и сегодня.

Для цитирования в научных исследованиях

Самойлов А.В. Геоэкономическое измерение внешнеполитической стратегии КНР // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 217-231.

Ключевые слова

Внешняя политика, стратегии государства, геоэкономика, Китайская Народная Республика, международное влияние.

Введение

Рассмотрение избранной государством внешнеполитической стратегии¹ может производиться под различными углами зрения и с использованием различного инструментария. Одной из наиболее применяемых теорий является теория Николаса Спикмена. В своих книгах Спикмен выделяет 10 критериев, на основании которых следует определять геополитическое могущество государства. К ним относятся: поверхность территории, природа границ, объем населения, наличие или отсутствие полезных ископаемых, экономическое и технологическое развитие, финансовая мощь, этническая однородность, уровень социальной интеграции, политическая стабильность, национальный дух.

Данные критерии в силу их ясности и всеобъемлемости неоднократно обращали на себя внимание исследователей. Однако в последнее время большую популярность набирает такое научное направление, как геоэкономика, возникновение которого следует отнести еще к периоду Холодной войны. В тот период основными движущими силами были политика и идеология, а геополитика исходила больше из идеологических, чем экономических факторов. Однако с приближением окончания Холодной войны и началом усиленного экономического соперничества между странами, упоминания о геоэкономике все чаще появляются на страницах научных работ.

Геоэкономика в историческом развитии

Одной из первых работ в геоэкономическом направлении можно считать книгу Пола Кеннеди «Взлет и падение великих держав» (The Rise and Fall of the Great Powers), изданную в 1987 году. В данной работе показана высокая степень корреляции стратегических обязательств государств (Пол Кеннеди использует термин «имперское перенапряжение»), военной составляющей и экономической мощи. Кеннеди подчеркивал идею, что «в войне Великих держав победа останется за той стороной, которая обладает большими экономическими ресурсами» [Kennedy, 1987].

Дальнейшее развитие направления принадлежит американскому политологу Эдварду Люттваку, именно с его именем в настоящее время связывают появление геоэкономики. В

1 Существуют различные определения понятия «внешнеполитическая стратегия», мы в данной работе отталкиваемся от понятия, представленного А.А. Косоруковым в диссертации «Соотношение детерминант глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитической стратегии: зарубежный опыт и российская специфика», где внешнеполитическая стратегия определена как долгосрочная программа достижения целей и обеспечения национальных интересов государства на международной арене, предусматривающая оптимальное использование имеющихся у государства ресурсов в изменяющейся системе международных отношений.

своей работе «От геополитики к геоэкономике: Логика конфликта, грамматика коммерции» он пишет: «В настоящее время все согласится и это очевидно, что методы торговли вытесняют военные методы, капитал вытесняет огневую мощь, инновации в гражданской сфере вытесняют инновации в военно-технической сфере, процессы развертывания гарнизонов и военных баз вытесняются процессами выхода на зарубежные рынки. Государства, как пространственные субъекты, устроенные так, что очень ревностно относятся к определению собственных границ, не исчезнут, однако переориентируются в сторону геоэкономики, чтобы компенсировать свою затухающую геополитическую роль» [Luttwak, 1990, 18].

В случае военного соперничества инструментами силы будут являться бомбы, танки, военные корабли. В ситуации же экономического соперничества на первый план выходят такие инструменты как эффективное производство, расширение рынка, устойчивая национальная денежная единица, права собственности на зарубежные компании, заводы, технологии.

Следует уточнить также отношение между геополитикой и геоэкономикой. Иногда геоэкономике полностью включают в геополитику, апеллируя к шведско-немецкой классике (Цымбурский), иногда, напротив, полностью включают геополитику как тему «гегемонии» в геоэкономическую сферу жизни миросистем (И. Валлерстайн, К. Чейз-Данни др.), а порой пытаются объявить геополитику устаревшей и заменить ее геоэкономикой (Э. Люттвак, Э. Кочетов, А. Неклесса).

Так А.И. Неклесса понимает геоэкономике как режим перераспределения ресурсов и благ, который в условиях растущего творческого дефицита «выступает не только как способ хозяйствования, но и как доминирующая система управления обществом, как политика и даже идеология наступающей эпохи, как новая властная система координат» [Неклесса, 2002, 57]. Взаимосвязь геоэкономики и геополитики может быть также определена в двух различных формах: как отношение экономической политики государства и оказываемое ею влияние на государственную власть и геополитику, другими словами, геополитические последствия экономических явлений или экономические последствия государственной власти и геополитических трендов. В качестве иллюстрации данного положения можно привести пример, указанный А.В. Лукиным в статье «Российско-китайской стратегическое партнерство и проект создания нового «морского шелкового пути»: «Для обеспечения стабильного экономического развития Китая необходимо мирное и стабильное окружение. Стабильность является не только одной из основных целей его внутренней политики, но и внешнеполитического курса. С точки зрения Пекина, политическая стабильность государств-партнеров обеспечивает расширение торгово-экономического сотрудничества, а такая стабильность может быть достигнута путем стимулирования их экономического роста. Суммарный смысл «Пояса» и «Пути» состоит в создании благоприятных условий для того, чтобы поднять на новый уровень экономическую деятельность КНР в восточном полушарии, а тем самым и усилить его роль в мировой политике» [Лукин, 2015, 345]. Наиболее

точной, по мнению автора, считается понимание геэкономике как сферы взаимодействия между сообществами разного масштаба и характера относительно контроля над экономическими ресурсами и достижения политических и иных целей, даже если эти взаимодействия, контроль или сами ресурсы пересекают границы территориальной политической власти.

Генри Киссинджер в своей книге «Новый мировой порядок» также подчеркивает идею возвышения роли экономики и понижения роли политики в международных отношениях: «...во-первых, сама природа государства – этой базовой формальной ячейки мирового сообщества подверглась многочисленным попыткам ревизии. Европа решила, что переросла старое понятие государства с его независимостью и суверенным правом, и взялась строить внешнюю политику преимущественно на принципах „мягкой силы“... Столкновение между мировой экономикой и политическими институтами, которые якобы ею управляют, также приводит к потере чувства общей цели, что необходимо для мирового порядка. Экономика становится все более глобальной, а политическое устройство по-прежнему основано на национальном государстве» [Киссинджер, 2015, 167]. И действительно, появление большого количества центров влияния в Азии напрямую связано с их экономическими успехами, яркими примерами чему служат Сингапур, Южная Корея и ряд других стран. В противовес Северной Корее, имеющая политически стабильную ситуацию внутри страны и преследующая свои национальные интересы угрозой применения оружия, хотя и является объектом пристального внимания мирового сообщества, но никак не претендует на роль возвышающегося центра силы.

Внешнеполитическая стратегия Китая и вопросы геэкономике

Китай вошел в число ведущих мировых держав также благодаря своему стремительному и успешному экономическому развитию. Модель экономического развития Китая, основанная на бурном росте и экспорте, естественным образом проявляется в нехватке ресурсов и необходимости искать новые рынки сбыта для произведенной продукции. Решение указанных вопросов находится главным образом за пределами государственных границ КНР. Помимо внутреннего развития страны, отличительной особенностью геэкономике, как сказано выше, является выход интересов страны за ее территориальные пределы. При этом стоит отметить, что с высокими темпами экономического развития Китая сфера его государственных интересов распространилась на достаточное большое удаление от государственных границ. Одним из наиболее ярких примеров этому может служить возросший интерес Китая к Арктике. Тот факт, что Китай не является циркумполярным государством и членом Арктического совета (межправительственной организации, созданной в 1996 году и включающей восемь стран: Россию, США, Канаду, Данию, Швецию, Норвегию, Финляндию и Исландию) и не входит в «арктическую пятерку» стран, имеющих непосредственный выход к Северному Ледовитому океану (Россия, США, Канада, Норвегия и Дания), никак

не мешает властям страны рассматривать регион Арктики как зону своих стратегических интересов. Объяснение этому в большей степени связано также с расширением экономических интересов страны за пределы Китая. Основными объектами указанных интересов являются диверсификация внешнеторговых маршрутов и доступ к ресурсной базе Арктики. Доступ к Арктическим морским путям предоставит Китаю возможность экономии времени и финансовых ресурсов при перевозке грузов, обеспечат высокую надежность транспортных маршрутов. Одновременно с этим возможность доступа к ресурсной базе Арктики, в том числе к месторождениям углеводородов, богатым рыбным промыслам, а также рудным полезным ископаемым, в перспективе может стать еще одним немаловажным источником уменьшения сырьевых потребностей быстрорастущей промышленности Китая [Тимофеев, 2015, 226]. Помимо реализации своих долгосрочных национальных интересов в Арктике, Китай осуществляет свою экономическую экспансию и в страны Скандинавии. Так компания "*China National Bluestar*", 80% акций которой принадлежит Китайской национальной химической корпорации (*China National Chemical Corporation*), в 2011 году более чем за 2 млрд. долларов купила норвежскую «Элкем» (*Elkem*) – крупнейшего производителя ферросплавов (1 место в мире), кремния и углеродных продуктов, имеющего металлургические заводы в Норвегии, Исландии и Канаде [Криворотов, 2013]. А в 2013 году власти Канады и США дали китайцами разрешение на покупку нефтяной компании "*Nexen*", имеющей допуск на работу на шельфе Норвегии [Fekete, 2012, www].

В качестве другого приоритетного направления внешнеполитического курса КНР можно без сомнения назвать африканское направление. Именно на этом примере можно увидеть экспансивную направленность внешнеполитического курса Китая, реализуемого экономическими методами. Подчеркивая общность интересов Китая и стран развивающихся африканского континента, власти КНР проводят курс, основой которого является формула «сырье в обмен на инфраструктуру». Так, проектами китайской помощи обязательно предусматривается предоставление приоритета компаниям КНР при выборе подрядчика; закупки оборудования и материалов по таким проектам также должны осуществляться приоритетно КНР. Кроме того, для реализации своих проектов помощи в Африке Китай практикует ввоз собственной и, что важно, неквалифицированной рабочей силы. Например, для сооружения магистральной шоссейной дороги в Анголе в страну было ввезено свыше 700 китайских рабочих, а в Замбии за период с 1991 по 2006 г. по мере увеличения количества проектов помощи, предоставляемой КНР, численность китайского населения там возросла с 300 до 3 тыс. человек [Торкунов, Мальгин, 2012, 376].

В зарубежных исследованиях механизм реализации китайской помощи африканским странам получил название «Ангольский метод». Он состоит в следующем. Для исполнения проекта помощи правительство КНР выделяет финансовые средства не правительству страны-реципиента, а специально назначенной им китайской компании. Последняя реализует проект, а взамен правительство африканской страны-реципиента предоставляет китайским

предприятиям право участвовать в добыче полезных ископаемых либо через передачу им части акций национальной добывающей компании, либо путем предоставления китайской стороне соответствующей лицензии. Вспоминая потенциальные угрозы Российской Федерации со стороны КНР, где среди прочих упоминалось заселение территорий Дальнего Востока и Сибири, стоит отметить, что в большинстве работ канал проникновения выходцев из Китая и заселения ими этих территорий не был обозначен, а лишь декларировалась потенциальная возможность этого с указанием на низкую плотность и уровень жизни в этом регионе. Помощь Китая в развитии данного региона, инвестирование в совместные проекты (Ангольский метод) могут стать таким каналом.

Помимо реализации ресурсных проектов в последние несколько лет КНР проводит политику создания зон торгово-экономического сотрудничества в ряде африканских стран. В качестве примера может быть приведена замбийско-китайская зона торгово-экономического сотрудничества. Аналогичные проекты реализуются на Маврикии, где проживает крупная китайская община, и в ряде других стран. Создание зон торгово-экономического сотрудничества в Африке позволяет китайским компаниям обходить квоты на импорт китайской продукции, установленные в ряде стран Европы и США [Торкунов, Мальгин, 2012, 376].

Таким образом, жесты доброй воли Китая по отношению к другим развивающимся рынкам никак не связаны с так называемой солидарностью с развивающимися странами. Речь идет о реализации собственных интересов Китая, которые совпадают с потребностями развивающегося мира в инвестициях. Инвестиции в стратегически важные объекты дают также возможность проникнуть в экономику других стран, что имеет существенное значение и с хозяйственной, и с геополитической точек зрения.

Взаимодействие между сообществами разного характера и масштаба для контроля над экономическими ресурсами, указанного в определении геоэкономики, проявляется во многих аспектах – от инициатив создания «Великого Шелкового пути», «Морского пути» не только как средства снижения экономических издержек до создания транспортных каналов и увеличения товарооборота между Китаем, Европой и Африкой. Такого рода инициативы тесным образом связаны с расширением сферы влияния Китая во всех вышеназванных регионах, к которым относится и Россия.

Необходимость рассмотрения внешнеполитической стратегии с точки зрения геоэкономики также просматривается при анализе такого показателя как совокупная мощь государства, широко используемого как в Китае, так и в других странах. В США в качестве аналогичной категории используется выдвинутое в 1997 году президентом США Б. Клинтоном в «Стратегии национальной безопасности США в XXI веке» понятие «национальная мощь». Под ним подразумевается вся совокупность материальных и моральных ресурсов нации, имеющих значение для интересов внешней политики страны, для расширения ее влияния и присутствия в мире с тем, чтобы получить в результате экономическую и политическую выгоду. В этом документе особо подчеркивается, что все без исключения элементы наци-

ональной мощи страны должны быть эффективно использованы для продвижения в мире национальных интересов США. Из высказанного становится очевидным, что совокупная мощь государства есть своего рода агрегированный показатель состояния основных сфер общественной жизни государства. Исходя из этого и на основании системно-структурных связей между сферами общественной жизни государства, описанных В.С. Барулиным в труде «Диалектика сфер общественной жизни», подчеркнем, что каждая основная сфера общественной жизни по отношению к другим сферам обладает качествами либо причины, либо следствия, либо того и другого одновременно. В соответствии с этим может быть выделена определенная совокупность причинно-следственных взаимосвязей основных сфер общественной жизни.

Во-первых, сфера-причина определяет сущность сферы-следствия, ее основную качественную характеристику. Так, социально-классовая структура капиталистического общества определяет сущность государства, политической системы этого общества. Во-вторых, сфера-причина является источником возникновения сферы-следствия или ее составных элементов. Сфера-следствие и возникает как своего рода отпочкование от сферы-причины. Например, идеологическая деятельность была изначально присуща общественному управлению, политике. Но на определенном этапе она усложнилась и развилась настолько, что выделилась в отдельную подсистему уже другой – духовной – сферы. В-третьих, преобразование в сфере-причине обуславливает коренные преобразования в сфере-следствии. Революционные изменения в материально-производственной сфере, в системе производственных отношений в корне меняют весь облик социальной структуры общества. В этих трех моментах и проявляется специфическая ведущая роль сферы-причины по отношению к сфере-следствию, ее детерминационная активность [Барулин, 1982].

Далее В.С. Барулин для наглядности предлагает схематически обозначить сферы жизни общества порядковыми числами и на первое место (цифра 1) ставит материально-производственную сферу. В социальной философии эта область общественной жизни обозначается различными категориями: экономическая, материально-производственная, материальная сфера общественной жизни. Материально-производственная сфера выступает как экономическое пространство, в котором организуется хозяйственная жизнь страны, осуществляется взаимодействие всех отраслей экономики. На втором месте находится социальная сфера, 3-м – политико-управленческая, 4-м – духовная. Так, по мнению В.С. Барулина, формула (1 → 2, 3, 4) является основополагающей и показывает детерминирующее воздействие материально-производственной сферы на все остальные сферы общественной жизни государства [Там же].

Таким образом, можно сделать вывод, что именно экономическая сфера жизни общества является главенствующей в агрегированном показателе «совокупная мощь государства». Она, как указано выше, тесно связана с обеспечением национальной безопасности государства. Именно этим обуславливается основное направление внешнеполитической

стратегии Китая как логичное продолжение экономических реформ в стране, которые и привели Китай к успеху. Реформы политики и открытости, построение системы экспортно-ориентированной экономики, дальнейшее накопление и инвестирование капитала – все это стало не только частью экономического развития страны, но основным направлением внешней политики Китая.

Вместе с тем нельзя говорить об отказе Китая от использования методов «мягкой силы», однако в силу своеобразности и специфичности своей культуры, использование Китаем такого рода методов достаточно ограничено. Сила магнитного поля Китая обеспечивается его экономической мощью. С точки зрения политиков Пекина, «мягкая сила» есть продолжение власти денег.

Стоит отметить, что наращивание «твердой силы» в настоящее время связано с экономической составляющей. Ввиду отсталости Китая от мировых лидеров в военно-промышленной отрасли, но благодаря своим экономическим реформам и системе управления в ходе значительного инвестирования в военно-промышленную отрасль, покупки образцов и лицензий и пр., разрыв в развитии стремительно сокращается.

Приоритет экономическому направлению внешней политики можно увидеть в концептуальном выражении. Так на 12 съезде КПК, проходившем в сентябре 1982 г., была сформулирована концепция «независимой и самостоятельной внешней политики», смысл которой сводился к невступлению в союзнические отношения с какой-либо из «сверхдержав», т. е. к уравниванию СССР и США как партнеров или противников, но главное – к подчинению внешней политики приоритетным целям экономического развития страны. Эта концепция официально определяет внешнеполитический курс Пекина и сегодня [Лукин, 2015, 102].

Основные принципы внешнеполитического курса Китая уходят своими корнями к великому реформатору, основоположнику «китайского чуда» Дэн Сяопину. В его стратегическом курсе, получившем название 28 иероглифов, содержится квинтэссенция современного поведения Китая на международной арене². Что касается сегодняшнего дня, то основным курсом развития государства после прихода к власти пятого поколения во главе с председателем государства Си Цзиньпином является так называемый курс «китайской мечты о великом возрождении китайской нации». В его основе реализация долгосрочных ориентиров развития страны и повышение ее международного влияния, и вместе с тем реализация принципа нового экономического и политического порядка основанного на многополярности и противостоянии гегемонии. Данный курс можно в полной мере назвать всеобъемлющим, его реализация непосредственно связана с решением всех стоящих перед государством проблем как внутренних, так и внешних, и затрагивает все основные направления развития страны.

Основной целью Китая в настоящее время, как и прежде, является стремление к многополярному миру в противовес существующей гегемонии США. При этом стоит отметить

2 «冷静观察,稳住阵脚,沉着应付,善于守拙,决不当头,韬光养晦,有所作为» Хладнокровно наблюдай, защищай наши позиции, решай дела спокойно, скрывай наши потенциальные возможности и выжидай удобный случай, чтобы действовать, умей не высовываться, никогда не претендуй на лидерство».

отказ китайской стороны от предложенного президентом США Бараком Обамой тандема (G-2) по управлению миром, так как согласно ему США выступали бы в роли «старшего брата», а Китаю отводилась «подчиненная» роль. Следствием этого отказа стала озвученная госсекретарем США Хиллари Клинтон стратегия «поворот к Азии», основным направлением которой является сдерживание стремительного роста Китая. В качестве альтернативы Китай предлагает развертывание всестороннего сотрудничества со всеми странами, создание новых и укрепление существующих международных платформ по различным направлениям деятельности государств. Китай участвует в механизмах глобального управления, осознает несовершенство и ущербность многих из них, навязанных западными странами. Неприятие попыток изолировать Россию на международной арене побуждает и Китай, и Россию более активно участвовать в глобальном управлении, а также настаивать на реформе системы глобального управления, существующего мирового порядка и современного международного права [Петровский, 2015].

Кроме того, Китай привлекает близлежащие государства к сплочению в рамках существующих и создаваемых региональных организаций. Данные организации охватывают широкий круг вопросов безопасности и экономического развития. Примерами могут служить такие региональные организации как ШОС, БРИКС, Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС. Однако если ШОС и БРИКС являются организациями, созданными по инициативе главным образом России, Китая и других их членов, в которых не так заметно доминирование одной из стран, то относительно новых финансовых организаций, таких как Новый банк БРИКС, АБИИ очевидно доминирование Китая в силу тех денежных средств, вложенных Китаем в капитал этих организаций (в Новом банке БРИКС доля Китая составляет 41%, Россия, Индия, Бразилия – по 18% каждая, Южная Африка – 5%; в АБИИ Китай обладает правом вето). Таким образом, данные организации, созданные фактически в противовес существующим МВФ и Всемирному банку, рассматриваемым как организации, находящиеся под сильным влиянием США, в свою очередь также находятся под значительным контролем со стороны Китая.

Стоит также отдельно остановиться на новых проектах Китая, таких как «Экономический пояс шелкового пути» и проект «Морского шелкового пути». Оба эти проекта в настоящее время сочетаются между собой провозглашенным названием «один пояс – один путь». Впервые идея создания «экономического пояса шелкового пути» была выдвинута в сентябре 2013 года во время выступления председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев-университете. Идея экономического пояса шелкового пути подразумевает создание системы многостороннего сотрудничества и создание маршрута, пролегающего из Китая в Европу через Центральную Азию, Средний и Ближний Восток. В свою очередь идея проекта создания «морского шелкового пути» впервые была выдвинута практически одновременно с идеей «экономического пояса шелкового пути» в октябре 2013 года в Совете Народных Представителей Индонезии. Проектируемый маршрут данного морского пути от Южного

Китая до Европы будет пролегать через Южную Азию, Африку, Суэцкий канал и Средиземное море. Оценивая общую идею «Один пояс – один путь» на фоне общего для нынешнего Китая политического контекста, трудно не заметить, что авторы Концепции с первых шагов стремились вписать ее в стратегические задачи «мечты о великом возрождении китайской нации», с которой выступило новое поколение лидеров КНР [Си Цзиньпин посетил..., 2012, www]. Увора о курсе «в отношении сопредельных стран», председатель КНР подчеркнул, что «стратегической целью китайской внешней политики является служение задаче национального возрождения». Китай должен ускорить создание в качестве фундамента зон свободной торговли с соседями, расширять торговлю и инвестиции, создать новый образец региональной экономической интеграции [Си Цзиньпин: Китай..., 2013, www].

Приоритет данного стратегического проекта Китая проявляется также в интенсификации мер, направленных на его реализацию. Так уже в марте 2015 года был рассмотрен и принят правительственный документ «Концепция и план действий по совместному строительству экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века». В основу концепции положены пять пунктов: 1) усиление координации государств региона в политической области; 2) интенсификация строительства единой дорожной сети; 3) развитие торговли путем ликвидации торговых барьеров, снижение издержек торговли и инвестиций, повышение скорости и качества экономических операций в регионе; 4) увеличение валютных потоков за счет перехода на расчеты в национальных валютах; 5) усиление роли народной дипломатии, расширение прямых связей между народами двух стран.

Несмотря на то что цель развития торговли, ликвидации торговых барьеров, снижения издержек торговли и инвестиций, повышения скорости и качества экономических операций в регионе поставлена лишь на третье место, с уверенностью можно сказать, что она является «ядром» всей Концепции. Прямо декларируется намерение (в рамках общей либерализации торговых режимов) начать со странами «пояса» и «пути» обсуждение вопросов создания зон свободной торговли, совместного продвижения таких мер, как устранение/снижение тарифных барьеров, унификация таможенных и других регулирующих торговлю процедур. Это касается сферы инвестиций, которая должна стать «двигателем торговли», «инвестиционные свободы» мыслится распространить на самый широкий спектр промышленного и аграрного производства – от разведки и разработки ископаемых, развития многих видов энергетики, включая ядерную, до марикультуры и лесного хозяйства. Приветствуя направление в проект инвестиций из стран «пояса» и «пути», Концепция содержит прямой акцент на «поощрение» участия в региональном инфраструктурном строительстве непосредственно китайских компаний. Причем не только инвестициями как таковыми: в контексте тезиса о «разделении труда» говорится, что китайские компании должны «действовать непосредственно на местах», использовать здесь свои практические возможности и опыт управления [Уянаев, 2015, 247]. Как можно увидеть одним из основополагающих пунктов Концепции помимо экономического является политическая координация Китая со странами

ми, входящими в проект «один пояс – один путь» и основным средством достижения этой цели должно служить всестороннее сотрудничество в рамках различных международных организаций, форумов, совещаний на различных уровнях.

Экономическое могущество Пекина обеспечивает ему в строительстве Экономического пояса положение неформального лидера, который выполняет самую важную из всех функций – пополнение и распределение финансовых средств, для чего в Китае создан Фонд Шелкового пояса с капиталом 40 млрд долларов. Для этой цели будет привлечен и формируемый по инициативе КНР Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, среди учредителей которого значатся Россия, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан [Ларин, 2015, 38].

Использование различных международных организаций, форумов, совещаний на различных уровнях, вхождение в организации, не относящихся с формальной точки зрения к Китаю (такие как Арктический совет), создание новых структур и проектов, главными в которых являются вопросы экономического характера и поддержания безопасности, логичным образом вытекают из общего внешнеполитического курса Китая основанного на пяти принципах мирного сосуществования, основными целями которого является создание нового мирового экономического и политического порядка. Таким образом, подобные организации становятся основными проводниками внешней политики Китая и ее национальных интересов, на защиту которых ориентированы как государственный аппарат страны, так и коммерческие структуры.

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в настоящее время внешнеполитическая стратегия Китая, основанная на пяти принципах мирного сосуществования: взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности, взаимном ненападении, невмешательстве во внутренние дела, равенстве и взаимной выгоде, – предлагает альтернативный силовому способ взаимодействия и реализации интересов государства. Вместе с тем увеличение экономической мощи страны, а вместе с тем и передовые позиции Китая в международных отношениях вызывают естественное стремление властей Пекина к расширению своего влияния, которое реализуется преимущественно экономически. Таким образом, понимая под внешнеполитической стратегией систему концептуальных подходов, определяющих жизненно важные национальные интересы государства и средства их обеспечения путем взаимодействия с окружающим миром, геоэкономика становится естественным способом познания внешней стратегии КНР. Хотелось бы привести слова премьера Государственного совета Китайской Народной Республики Ли Кэцзяна во время встречи с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным: «Экономика лежит в основе межгосударственных связей, и мы очень многое делаем для того, чтобы этот фундамент укреплялся. Но, разумеется, на этой базе мы выстраиваем партнерство по другим направлениям: и на международной арене, в сфере культуры, образования. Практически так или иначе всё имеет под собой экономическую базу» [Встреча Владимира Путина..., 2016, www].

Библиография

1. Барулин В.С. Диалектика сфер общественной жизни. М.: МГУ, 1982. 230 с.
2. Встреча Владимира Путина с Премьером Государственного совета Китайской Народной Республики Ли Кэцяном 25 июня 2016 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52268>
3. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 512 с.
4. Криворотов А.К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. № 18. Т. 18. 2013. С. 158-192.
5. Ларин А.Г. Возрождение Китая и некоторые вопросы Российско-Китайского сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. С. 37-56.
6. Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015. 792 с.
7. Неклесса А.И. Геоэкономическая система мироустройства // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. М.: Восточная литература РАН, 2002. С. 325-329.
8. Петровский В.Е. Сравнительный анализ опыта участия России и Китая в институтах глобального управления // Сравнительная политика. 2015. № 1(18). Т. 6. С. 65-77.
9. Си Цзиньпин посетил выставку «Путь возрождения» в Пекине // Russian.China.Org.Cn. 2012. 30 ноября. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8041475.html>
10. Си Цзиньпин: Китай будет продвигать дружеские отношения с сопредельными странами // Агентство Синьхуа. 2013. 26 октября. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html>
11. Тимофеев О.А. Арктический фронт Китая: геополитические и экономические измерения // Современный Китай и его окружение. М.: URSS, 2015. С. 225-238.
12. Торкунов А.В., Мальгин А.В. Современные международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2012. 688 с.
13. Уянаев С.В. Новые «Шелковые пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. С. 242-259.
14. Fekete J. Government approves CNOOC-Nexen and Petronas-Progress takeover bids. URL: <http://www.usnews.com/news/world/articles/2012/12/07/canada-oks-cnoocs-takeover-bid-for-nexen>
15. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict From 1500 to 2000. N.Y.: Paperback, 1987. 439 p.
16. Luttwak E. From Geopolitical to Geo-economics, Logic of Conflict, Grammar of Commerce // The National Interest. 1990. № 20. P. 17-24.

Geo-economic dimension of foreign policy strategy of China

Anton V. Samoilov

Postgraduate,
Personnel of military unit 33965,
117602, Moscow, Russian Federation;
e-mail: laoshe1274@gmail.com

Abstract

One of the widely used theories of the state foreign policy strategy by N. Spykman (10 criteria of geopolitical power of the state) can be refracted in the light of geo-economics, the scientific sphere which has been gaining its strength in recent decades. Today there is an active inclusion of geo-economic vectors in the foreign policy of many countries, particularly China. The article considers the foreign policy strategy of China from the standpoint of geo-economics, and, primarily, such indicator as the aggregate power of the state. The author argues the thesis that the economic sphere of societal life is dominant for this indicator. It, in turn, ensures the national security of the state. The foreign policy course of "the Chinese dream of the great revival of the Chinese nation" is determined by these interlinked areas. Its geo-economic foundations are analyzed: the construction of a system of export-oriented economy, the implementation of long-term objectives of the country development, the accumulation and investment of capital, the implementation of the principle of the new economic and political order based on multipolarity and opposition to hegemony. The author claims the idea of subordination of China's foreign policy to priorities of economic development of the country with the aim of increasing the international influence of the state. The PRC uses a variety of international venues, participation in organizations, formally not related to China (e.g. the Arctic Council), the creation of new structures and projects, investing in strategically important facilities on the territory of other countries, etc. This concept determines the official foreign policy of Beijing today.

For citation

Samoilov A.V. (2017) Geoekonomicheskoe izmerenie vneshnopoliticheskoi strategii KNR [Geo-economic dimension of foreign policy strategy of China]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 217-231.

Keywords

Foreign policy, strategies of the state, geo-economics, People's Republic of China, international influence.

References

1. Barulin V.S. (1982) *Dialektika sfer obshchestvennoi zhizni* [The dialectics of spheres of public life]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.
2. Fekete J. (2012) *Government approves CNOOC-Nexen and Petronas-Progress takeover bids*. Available at: <http://www.usnews.com/news/world/articles/2012/12/07/canada-oks-cnoocs-takeover-bid-for-nexen> [Accessed 20/12/16].
3. Kennedy P. (1987) *The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000*. New York: Paperback.
4. Kissinger H. (2014) *World order*. New York: Penguin Press. (Russ. ed.: Kissindzher G. (2015) *Mirovoi poryadok*. Moscow: AST Publ.).
5. Krivorotov A.K. (2013) Arkticheskaya aktivizatsiya Kitaya: vzglyad iz Skandinavii [Arctic revitalization of China: a view from Scandinavia]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], 18 (18), pp. 158-192.
6. Larin A.G. (2015) Vozrozhdenie Kitaya i nekotorye voprosy Rossiisko-Kitaiskogo sotrudnichestva [The revival of China and some issues of Russian-Chinese cooperation]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], 20, pp. 37-56.
7. Lukin A.V. (2015) *Vozvyshayushchiysya Kitai i budushchee Rossii* [Rising China and the future of Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
8. Luttwak E. (1990) From geopolitics to geo-economics, logic of conflict, grammar of commerce. *The national interest*, 20, pp. 17-24.
9. Neklessa A.I. (2002) Geoekonomicheskaya sistema miroustroistva [Geo-economic system of world order]. In: *Global'noe soobshchestvo: Kartografiya postsovremennogo mira* [Global community: Mapping of post-modern world]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., pp. 325-329.
10. Petrovskii V.E. (2015) Sravnitel'nyi analiz opyta uchastiya Rossii i Kitaya v institutakh global'nogo upravleniya [Comparative analysis of Russia's and China's participating in global governance institutions experience]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 6(1(18)), pp. 65-77.
11. *Si Tszin'pin posetil vystavku "Put' vozrozhdeniya" v Pekine* [Xi Jinping visited the exhibition "The Road of Revival" in Beijing] (2012). *Russian.China.Org.Cn*. [Russian.China.Org.Cn.], 30th Nov. Available at: <http://russian.people.com.cn/31521/8041475.html> [Accessed 20/12/16].
12. *Si Tszin'pin: Kitai budet prodvigat' druzheskie otnosheniya s sopredel'nymi stranami* [Xi Jinping: China will promote friendly relations with neighboring countries] (2013). *Agentstvo Sin'khua* [Xinhua News Agency], 26th Oct. Available at: <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html> [Accessed 20/12/16].

13. Timofeev O.A. (2015) Arkticheskii frontir Kitaya: geopoliticheskie i ekonomicheskie izmereniya [Arctic frontier of China: geopolitical and economic dimensions]. In: *Sovremennyyi Kitai i ego okruzhenie* [Modern China and its environment]. Moscow: URSS Publ., pp. 225-238.
14. Torkunov A.V., Mal'gin A.V. (2012) *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya* [Contemporary international relations]. Moscow: Aspekt Press Publ.
15. Uyanaev S.V. (2015) Novye "Shelkovyye puti" Kitaya: printsipy i parametry ofitsial'noi "dorozhnoi karty" [The new "Silk roads" of China: principles and parameters of the official "road mapping"]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], 20, pp. 242-259.
16. *Vstrecha Vladimira Putina s Prem'erom Gosudarstvennogo soveta Kitaiskoi Narodnoi Respubliki Li Ketsyanom 25 iyunya 2016 goda* [Vladimir Putin meets with the Premier of the State Council of the People's Republic of China Li Keqiang on June 25, 2016]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/52268> [Accessed 20/12/16].